«Язык родных осин»

Известна эпиграмма И. С. Тургенева:

Вот еще светило мира!
Кетчер, друг шипучих вин;
Перепёр он нам Шекспира
На язык родных осин.

Николай Христофорович Кетчер (1809—1886) — московский медик и переводчик, один из деятельнейших участников общественно-литературной жизни 40-х годов XIX века, близкий друг Герцена и Огарева, Белинского и Станкевича, Тургенева и Боткина — в 1840 году, поощряемый Белинским, принялся за перевод прозой всех драматических произведений Шекспира. Полного перевода Шекспира до тех пор в России не существовало. С 1841 по 1850 год Кетчер выпустил в виде брошюр 18 пьес, но вынужден был приостановить издание, по всей вероятности, из-за цензурных препятствий. В 1862 году он снова предпринял издание и до 1879 года в его переводе вышли все 37 пьес Шекспира в девяти томах. Перевод Н. Х. Кетчера, основанный на тщательном изучении шекспировского текста и многочисленных его толкований, отличается большой точностью. Однако переданный тяжеловесной прозой, изобилующей буквализмами, шекспировский стих во многом утрачивает свою поэтическую энергию, лирические монологи становятся вялыми и неуклюжими, афористичные рифмованные концовки — плоскими и невыразительными.

Эти недостатки и имел в виду Тургенев, подчеркнувший глаголом *перепёр* тяжеловесность кетчеровских переводов. Впоследствии этот глагол был обыгран поэтом Б. Н. Алмазовым в сатирической поэме «Учено-литературный маскарад», где Кетчер, представляющийся публике как «вдохновеннейший толмач» всех шекспировских творений заявляет:

Но про меня в забаву мира
Сказал какой-то щелкопер,
Что будто я «всего Шекспира
Не перевел, а перепёр».

Эпиграмма И. С. Тургенева, по-видимому, сочиненная в начале 50-х годов, получила довольно широкое распространение, о чем свидетельствуют не-

однократные упоминания о ней мемуаристов. А выражение «язык родных осин» вскоре стало крылатым. Удалось обнаружить его использование уже в 1861 году, правда, еще со ссылкой на эпиграмму. В одной критической статье говорилось по поводу французского классицизма: «Мы сначала приняли его слепо и переводили его или скорее перепирали..., на родной язык осин", по выражению одной эпиграммы, относящейся, впрочем, к переводам Шекспира» («Время», 1861, № 3, отд. II, стр. 51).

Позднее выражение существовало самостоятельно, независимо от эпиграммы. Н. С. и М. Г. Ашукины, составители сборника крылатых выражений, отметили употребление его в 1935 и 1938 годах. Однако толкование, которое они ему дали, явно недостаточно. По их утверждению, слова «язык родных осин» употребляются «иронически по поводу топорных переводов с иностранных языков на русский» (Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова. Изд. 3-е, доп. М., 1966, стр. 769). Между тем даже из приведенных ими примеров видно, что в настоящее время выражение прилагается и к так называемому «склонению на русские нравы» («Истории благороднейших виконтов и ослепительной красоты куртизанок могли быть легко переводимы в воображении читателей на „язык родных осин" российского быта» — И. Груздев. Горький и его время. т. I. Л., 1938, стр. 34).

Какой же смысл вкладывал в это выражение сам Тургенев? Почему ему понадобилось слово *осина?* Вряд ли он имел в виду русификацию шекспировских пьес: этот недостаток не присущ переводам Кетчера; русизмы здесь сравнительно редки и не характерны. Скорее всего, Тургенев, восторженный поклонник Шекспира, считал, что тяжелый и неуклюжий перевод, лишенный стиховой формы, теряет яркость и поэтичность оригинала, становится безрадостным и унылым.

В русском фольклоре *осина* часто фигурирует с эпитетом *горькая* — из-за характерного вкуса, свойственного осиновому соку и коре.

Уж я старого в уста целовала,
Будто горькой осины испивала,—

поет несчастная молодая жена. Ср. в песне И. З. Сурикова:

Что полынь ты трава,
Горькая осинка!

Но иногда прямое значение заслоняется переносным — 'горестный'. «Осина везде соединяется с горем»,— констатировал Я. А. Автамонов, исследователь фольклорной символики растений.

Совыкались мы с тобою под белой березою;
Расставались мы с тобою под горькой осиной,—

поется в песне.

В хозяйственном отношении осина считалась никчемным деревом, не годным на поделки, скверным топливом и негодным строительным материалом. Изба, сложенная из осиновых бревен, наводила на мысль о нищете, что было хорошо известно Тургеневу, который писал в «Хоре и Калиныче» (1847): «Орловский мужик... живет в дрянных осиновых избенках, ходит на барщину... ест плохо, носит лапти...».

Наконец, осина — сорное дерево, характерное для русских некультивированных лесов, вырастающее на вырубках и на месте погибших деревьев. «...На

„заказных"... пустырях,— отмечал Тургенев в рассказе „Смерть" (1848),— вместо прежних благородных деревьев сами собою вырастают березы да осины; а иначе разводить рощи у нас не умеют». Неудивительно, что у поэтов, современников Тургенева, осина связывалась с тоскливым, безрадостным и в то же время родным и близким пейзажем.

Лес ли начнется — сосна да осина...
Не весела ты,— родная картина! —

восклицает Н. А. Некрасов в «Саше» (1855).

Белые березы, жидкие осины,
Пашни да овраги — грустные картины! —

вторит ему А. Н. Плещеев («Отдохну-ка, сяду у лесной опушки!», 1861).

И сам Тургенев писал в «Свидании» (1850): «Я, признаюсь, не слишком люблю это дерево — осину — с ее бледно-лиловым стволом и серо-зеленой, металлической листвой, которую она вздымает как можно выше и дрожащим веером раскидывает на воздухе; не люблю я вечное качанье ее круглых неопрятных листьев неловко прицепленных к длинным стебелькам». А в «Касьяне с Красивой мечи» (1851) — «недавно срубленные осины печально тянулись по земле». Вероятно, не случайно Тургенев сделал одинокую осину излюбленным деревом Базарова-ребенка («Отцы и дети»); писатель хотел подчеркнуть, что с самого детства его герой был чужд поэзии.

Но, может быть, употребив слово *осина*, Тургенев имел в виду и фигуральное его значение, которое, хотя и не зафиксировано в словарях, однако может быть выявлено на основании словоупотребления того времени. Этому слову придавался бранный, презрительный смысл, примерно тот же, что и *дубине*.

В поэме А. А. Фета «Две липки» (1857), посвященной Тургеневу, помещик бранит садовника, неисправно выполнившего его приказание:

Ведь я тебе, безмозглая осина,
Довольно ясно, кажется, твердил...

А у А. Н. Островского в «Талантах и поклонниках» (1882) Нароков, помощник режиссера, жалуется на антрепренера: «Дерево он у нас, дерево, дуб, осина». Бранное выражение «осина неотесанная» было отмечено в диалектах Тульской губернии. Наконец, презрительный оттенок слово *осина* имеет в пословице: «С осину вырос, а ума не вынес». Ср. в комедии А. Ф. Писемского «Ипохондрик» (1852): «Видишь, как вытянуло. Поумнел ли хоть немного, а растешь, глядя на осину».

Имея в виду бранное значение слова, Д. И. Писарев в статье «Популяризаторы отрицательных доктрин» (1866) применил его в форме эпитета: «Чтобы иметь какое-нибудь серьезное значение, пропаганда Вольтера должна была адресоваться... ко всему читающему обществу, ко всему грамотному стаду, ко всевозможным дубовым и осиновым головам...».

Двумя годами раньше в сатирическом листке русских студентов в Гейдельберге «A tout venant je crache, или Бог не выдаст — свинья не съест» (этот листок Тургенев впоследствии упомянул в «Дыме», гл. XXVI) была помещена пародия на песню «Ах вы сени...», содержавшая такие строки:

Ах вы дети, мои дети,
Дети милые мои,
Лбы кленовые, дубовые,
Осиновые!

Не подозревал ли Тургенев, говоря о «родных осинах», всякого рода тупиц и невежд с их грубым, неуклюжим языком? Он, конечно, не мог сказать: «язык родных дубов», хотя слова *дуб*, *дубовый*, как мы видели, употребляются в бранном смысле так же, как *осина*, *осиновый*. Но дуб еще и символ величия и силы, в то время как эмоции, вызываемые осиной,— уныние и презрение. Кстати сказать, эпитет *осиновые* по отношению к тяжелым, непоэтичным стихам применил Белинский еще в 1840 году в рецензии на историческую драму Р. М. Зотова «Донна Луиза, инфанта португальская» (наряду с эпитетами скрыпучие, сермяжные, еловые, свинцовые).

Кандидат филологических наук
Ю. Д. ЛЕВИН

РЕПЛИКА

«В эмпиреях»

Читатель нашего журнала П. В. Подольский из Краснодара обращает внимание на целый ряд языковых несуразностей в памфлете Николая Полянова «Портрет ожившей ассигнации», опубликованном в иллюстрированном обозрении «Неделя» (1967, № 25).

Бросается в глаза прежде всего словечко *эмпирии*, употребленное в таком контексте: «Говорят, в финансовых эмпириях Западной Европы ныне нет более влиятельной личности, чем Абс» (речь идет о президенте западногерманского «Дойче банка» Германе Абсе). В самом деле, что такое *эмпирия*? Философский термин *эмпирия* 'человеческий опыт, наблюдение в естественных условиях' сюда явно не подходит, *империи* — тем более, да и подобная опечатка маловероятна. Скорее всего, автор хотел использовать слово *эмпирей*, употребляющееся обычно только в форме множественного числа (форма единственного числа *эмпирей* давно устарела) с оттенком иронии и обозначающее, действительно, какие-то сферы, области. Но вот какие сферы? Беда в том, что значение этого слова — 'область блаженства, мечтательности, далекая от земного существования' (вспомним, хотя бы *эмпиреи* в гоголевском «Ревизоре»: «Жизнь моя, милый друг, течет,— говорит,— в эмпиреях»... и т. д.). Причем же здесь финансовая жизнь Западной Европы?

Нельзя не признать, что употреблено здесь иностранное слово без надобности, без знания его точного смысла и звучания.

Памфлет Н. Полянова вообще изобилует метафорами. Но изрядная доля этих метафор грешит против здравого смысла. Можно ли сказать, например, так: «Конечно, не один Абс аранжировал эту чудовищную какофонию войны»? Здесь опять нагромождение иностранных терминов, употребленных вольно и не удачно.

В другом месте автор, нимало не смущаясь, упоминает «лицо громовержца (!) в те дни, когда он метал бесшумные (!) молнии в сторону неудачника».

Заметив, что «небезынтересно пролистать календарь (очевидно, биографию.— *Ред.*) Абса в обратном направлении», Н. Полянов рассматривает затем события его жизни с самого начала, с ранней молодости и до современности. Остается только недоумевать, почему же автор назвал это «обратным направлением».

Вывод ясен. Нужный и злободневный политический памфлет испорчен языковой небрежностью.

Пожелаем Николаю Полянову, а с ним и редакции «Недели» осторожнее и аккуратнее обращаться с русским языком. Это очень тонкий и совершенный инструмент, достаточно выразительный и без таких, с позволения сказать, «аранжировок».

В. Л.